

Веч. Ленинград 1981, 5 мая

ПО КОНЦЕРТНЫМ ЗАЛАМ

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

К 100-летию со дня смерти Модеста Петровича Мусоргского Малый зал имени М. И. Глинки Ленинградской филармонии приурочил цикл концертов, никогда прежде не устраивавшийся. На протяжении четырех вечеров были исполнены все камерные сочинения композитора. Наряду с шедеврами, пользуясь всеобщей известностью, прозвучали произведения, знакомые доселе лишь историкам музыки. Каким могучим, самобытным еще раз предстал талант композитора в этих концертах, как широкоохватно его творчество! «Он неповторим и останется неповторимым благодаря своему искусству без надуманных приемов, без иссушающих правил. Никогда еще столь утонченное восприятие не воплощалось столь простыми средствами выражения», — писал о Мусоргском выдающийся французский композитор К. Дебюсси, испытанный на себе сильное влияние его гения. Справедливость слов Дебюсси мог ощутить каждый из слушателей памятных вечеров в Малом зале.

Инициатором монографического цикла был Евгений Нестеренко, выдающийся воспитанник ленинградской вокальной школы, артист, в своем искусстве постоянно устремленный — воспользуемся выражением Мусоргского — к «новым берегам». Он привлек к участию в концертах нескольких крупных мастеров искусства. Краткое, но весомое по смыслу вступительное слово к циклу произнес Геннадий Рождественский. Он комментировал также фортепианные пьесы Мусоргского, отлично исполненные Викторией Постниковой, а затем вместе они сыграли малоизвестную музыку композитора для роаяля в четыре руки. Знаменитую фортепианную сюиту «Картинки с выставки» темпераментно, по-театрально-

му броско, обостряя контрасты (а иногда и чуть форсируя звучность), играл Владимир Крайнев. Он превосходно аккомпанировал Нестеренко в последнем из вечеров цикла. Партию фортепиано в остальных концертах с тонким ощущением стиля и редким чувством ансамбля провел Евгений Шендерович.

Наряду с этими известными артистами Нестеренко вывел на эстраду своих учеников, чья концертная деятельность лишь начинается. Публика, очень тепло отнесшаяся к дебютам, по достоинству оценила этот пример наставничества. Аспирантке Ирине Муратовой особенно удалось известный вокальный цикл «Детская». Этот цикл Мусоргский написал на собственный текст, выразив тут, по его же словам, «понимание детей и взгляд на них, как на людей с своеобразным мирком, а не как на забавных кукол». Молодая певица счастливо избежала ошибки, часто годстерегающей исполнительницы «Детской», когда они, утрируя, пытаются «играть под ребенка». Муратова держится на эстраде просто, лишь иногда пользуясь скупым жестом и целиком сосредоточившись на чуткой, искренней передаче неповторимой словесно-вокальной интонации. Интонация же эта необычайно разнообразна, и оттого столь несхожими получились у актрисы музыкальные портреты ребят.

Студент Московской консерватории Михаил Крутиков, обладатель красивого баса, продемонстрировал, что ему близки разные жанры вокального творчества Мусоргского, в том числе и такой непростой, как музыкальная сатира: с неподдельным юмором и вкусом был им спет романс-пародия «Класика».

Главным художественным достижением цикла стали выступления Евгения Евгеньевича

Нестеренко. Ленинградские слушатели помнят его прежние интерпретации вокальной музыки Мусоргского и могут их сравнить. Это очень увлекательно: с годами трактовка образов меняется, становится все более зрелой и проникновенной. Вряд ли может кто-либо из современных певцов сравниться с Нестеренко в драматической силе исполнения «Песен и плясок смерти». Создавая вслед за Мусоргским четыре разных — и равно коварных — обликов смерти, артист выражает запечатленный в музыке протест против того, что безвременно обрывается человеческая жизнь. Но глубоко ощутил он и социальный смысл великого создания Мусоргского — протест против современной композитору жизни с ее бедами — бедностью, бесправием, войнами, что вела людей к гибели.

А рядом — другое выдающееся исполнительское достижение Нестеренко — возвращенный им из забвения замечательный по тонкому лиризму, по постижению глубин человеческой души вокальный цикл «Без солнца». А далее — поражающие и сегодня своей первозданностью зарисовки людей из народа, проникнутые то тальмим сочувствием («Светик Савишна»), то печальным юмором («Семинарист»). А там — несравненная сатира Мусоргского: бессмертная «Блоха» с ее раскатами издательского, дьявольского смеха, и «Раек», пригвоздивший к позорному столбу врагов русского реалистического искусства. Глубокая мысль и гражданская позиция певца, его темперамент и дар сценического преобразования, точное вокальное мастерство и, в частности, умение индивидуально окрашивать вокально-речевую интонацию — все это дало ему возможность с равной силой воссоздать контрастные образы.

«Живой человек в живой музыке», — так определял Мусоргский цель искусства. «Мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите», — восклицал он. И его беседа с нами, отделенными от него столетием, оказалась на редкость живой, волнующей и впечатляющей.

М. БЯЛИК